

А. Г. Чередниченко

Индоевропейская проблема и Балканы

Внимание к проблеме локализации прародин индоевропейцев, семито-хамитов (афразийцев) и предков носителей языков других языковых семей, на наш взгляд, является показателем состояния гуманитарных наук в тот или иной период истории. В настоящее время, кризисное для гуманитарного знания во всем мире, на повестке дня в научных учреждениях многих стран, к сожалению, снова оказались мифы об арийцах, гиперборейцах и т. п. Тем не менее, достижения сравнительно-исторического языкознания, археологии, палеоботаники, палеозоологии, культурологии, сравнительной мифологии позволяют утверждать, что возникновение праязыков известных языковых семей и генезис этносов их носителей можно связать с первичными очагами возникновения производящего хозяйства. Таким образом, индоевропейская, семито-хамитская и другие прародины совпадают с эпицентрами «неолитической революции». В частности, прародина индоевропейцев оказывается никак не связанной с лесостепным поясом Восточной Европы, мифической Гипербореей (Скандинавией и Кольским полуостровом?) или мифической Шамбалой (т. е. Кашмиром, Тибетом или Алтаем?).

Из работ последних десятилетий, посвященных проблеме локализации индоевропейской прародины, следует выделить исследования Эндрю Колина Ренфрю, барона Ренфрю из Кеймсторна, и Джеймса Патрика Мэллори. Лорд К. Ренфрю, проанализировав достижения индоевропеистики, обосновал концепцию, согласно которой возникновение и распространение индоевропейских языков связано с возникновением и распространением производящей (неолитической) экономики, а прародина индоевропейцев, соответственно, должна быть тождественна одному из центров зарождения производящего хозяйства (возможно, Балкано-Анатолийскому) [1].

Дж. Мэллори, вслед за М. Гимбутас, определил в качестве изначальной прародины индоевропейцев регион между Уралом и Днепром (V—III тыс. до н. э.) [2; 3]. Однако в степях Евразии не обнаружены очаги зарождения неолитической экономики. Возникновение земледелия и скотоводства в Старом Свете было связано с переднеазиатским «Плодородным полумесяцем», Армянским нагорьем, Анатолией, Балканами и островами Эгейского моря [1; 4, с. 47–96; 5; 6; 7; 8; 9]. Кроме того, по мнению большинства финно-угроведов, Приуралье, как и Западная Сибирь, входило в ареал прародины финно-угорских народов [10, с. 13–14; 11, с. 52–53; 12, с. 46–48]. Особую проблему представляют древние индоевропейские лексические проникновения и заимствования в финно-угорских языках [13, с. 69–83; 14, с. 125–135]. Речь идет о лексике индоиранского происхождения. По данным лингвистической палеонтологии, эти лексические проникновения и заимствования относятся не к праиндоевропейским или праиндоиранским, а к вполне оформившимся либо индоарийским, либо иранским диалектам, т. е. к достаточно позднему времени. Некоторые заимствования можно определенно выводить из индоарийских диалектов по фонетическим признакам:

фин.-угор. *aiva «только» близко индоар. *aiva > др.-инд. eva «так, едва, только, еще, именно»;

венг. gyantar, gyanta «янтарь» восходит к индоар. *yan-t[a]r- «имя деятеля или орудия от глагольного корня yam — держать, сдерживать, соединять», ср. др.-инд. yantar- «возница», yantram «запор, связь»;

фин.-угор. *sapta «семь» восходит к индоар. *sapta «семь», а не к общеиран. *hapta > haftā;

волж.-фин. *sasar «младшая сестра, двоюродная сестра, племянница» ближе к индоар. *svasar, нежели к общеиран. *hvahar «сестра»;

фин.-угор. *s'asra/sasra «тысяча» восходит к диал. индоар. числительному *(sa)-jasra, близкородственному др.-инд. sa-hasra(m), или представляет собой результат стяжения индоар. праформы *sa-asra (ср. авест. hazangrem < *ha-zahra-m);

фин.-угор. *s'ata «сто» ближе к индоар. zata-, нежели к общеиран. *sata- «сто»;

фин.-угор. *s'uka «ость, щетина» восходит к индоар. зика «ость злаков, жало»;

манс. sor, удм. sur «пиво» восходит к индоар. *suru «хмельной напиток» (ср. авест. hura, пехл. hur);

морд. эрзя sed' «мост» толкуется из др.-инд. setu- «плотина, дамба, мост» (индоарийск. *saitu, но ираноарийск. *haitu);

перм. *med «плата» ближе к др.-инд. modha- «добыча, вознаграждение», нежели к иран. mizda- «плата» (особенности отражения вокализма корня позволяют предполагать относительно позднее время заимствования после перехода реликтового *tauda в *mod-);

фин.-угор. *tarna «трава, осока, сено» сопоставимо с др.-инд. tr'na «трава, стебель, соломинка, солома».

Приведенные лексемы свидетельствуют о том, что заимствования из арийских языков в финно-угорских дают примеры с **s** в самых разных позициях. В этих позициях в общеиранском **s** должно было переходить в **h**: в анлауте перед гласным, в группе sv-, в интервокальной позиции, перед r, в конце слова. Особое отражение (s') получают палатализованные смычные j и z. Таким образом, индоевропейская или промежуточная индоиранская и финно-угорская прародины вряд ли могли находиться в смежных ареалах.

На западе очерченного Дж. Мэллори региона, в Среднем и частично Нижнем Поднепровье, южной части Лесостепи и Степи Левобережной Украины, по среднему и нижнему течению Северского Донца и в Нижнем Подонье Д. Я. Телегиным исследованы памятники среднестоговской культуры эпохи энеолита (вторая половина IV—начало III тыс. до н. э.) [7, с. 177–183; 15, с. 192–194; 16; 17; 18]. Видимо, именно в ареале среднестоговской культуры впервые появилось коневодство как отрасль скотоводческо-земледельческого хозяйства. В целом культура Средний Стог синхронизируется с этапами В I и С I трипольской культуры. В ее формировании и развитии, судя по всему, важную роль сыграли влияния с днепровского Правобережья, из Балкано-Дунайской зоны, Крыма, с Северного Кавказа. Сама среднестоговская культура, по мнению Д. Я. Телегина, стала «генетической подосновой» древнеямной культуры. Согласившись в основном с Д. Я. Телегиным, В. А. Сафронов обосновал гипотезу о генетической связи древнеямной культурно-исторической общности и курганного обряда погребения также и с культурой воронковидных кубков (Центральная Европа, IV—начало III тыс. до н. э.), которая, в свою очередь, восходит к неоэнеолитической культуре Винча (север Балкан, V—начало IV тыс. до н. э.) [15, с. 190–205]. Таким образом, выдвинутая М. Гимбутас и поддержанная Дж. Мэллори гипотеза о разрушении древнебалканской неоэнеолитической цивилизации пришедшими из степей Евразии скотоводческими племенами праиндоевропейцев-«ямников» (индоевропейскими воинами-всадниками) [19, с. 14–65] опровергается не только данными лингвистической палеонтологии (древнейшая индоевропейская топонимия

и гидронимия Европы, в т. ч. Северного Причерноморья, и т. д.), но и результатами археологических изысканий.

Кроме того, ни результаты археологических исследований (в т. ч. антропологические материалы), ни данные сравнительно-исторического языкознания не дают неоспоримых доказательств существования «ностратического» и «сино-кавказского» праэтносов и праязыков в эпоху верхнего палеолита и мезолита в Передней Азии или где бы то ни было еще. Нет свидетельств в пользу того, что в донеолитическое время существовал некий язык, т. е. общий праязык-предок нескольких евро-афро-азиатских праязыков, носители которого численно превышали бы членов одной общины (первичной группы). Речь может идти о языковом континууме типа папуа-новогвинейского, охватывавшем обитаемую часть Старого Света [4, с. 91; 11, с. 48–49; 20, с. 128–137].

В эпоху мезолита и раннего неолита еще не сформировались языки в привычном для нас понимании, а процесс языковой эволюции вряд ли был прямолинейным — от гипотетических «ностратического», «сино-кавказского» или какого-либо другого прапраязыков или протоязыков (по В. М. Иллич-Свитычу и др. [21; 22]) к праязыкам известных языковых семей, которые, в свою очередь, распадалась на диалекты, становившиеся предками исторически зафиксированных языков. Скорее всего, первоначально сформировался языковой континуум, подобный тому, что наблюдается на острове Новая Гвинея. Доиндоевропейский языковой континуум, как его сейчас принято понимать, был изолирующего силлабоморфемного строя полисинтетического типа и напоминал в ареальном плане «первобытную языковую непрерывность», в понимании С. П. Толстова [11, с. 48–49; 23]. Население Старого Света в мезолитическое и раннеолитическое время говорило на многочисленных языках, постепенно переходивших один в другой на смежных территориях и составлявших в целом единую непрерывную языковую сеть (языковой континуум). Почти каждая община имела свой особый язык. Различия между языками соседних этносов были очень невелики. Однако языки более отдаленных территориально этнических групп уже значительно отличались друг от друга. Затем в процессе постепенной концентрации отдельных языков небольших соседних коллективов, их стягивания в более крупные группы, начали складываться праязыки будущих языковых семей, заселивших впоследствии значительные области земного шара.

Следы этой первобытной языковой непрерывности, предшествовавшей образованию прото- и праязыков известных языковых семей едва заметны уже в III—II тыс. до н. э., однако они сохранялись как пережитки в виде реликтовой лексики и ономастики, происходящих из так называемых «банановых языков» (banana languages) со структурой слов типа *ба-на-на*. Такие, прежде всего ономастические, реликты были зафиксированы на Ближнем Востоке клинописью и в Эгееде линейным письмом и даже греческим алфавитом [4, с. 90–92; 24, с. 60–62]. Примерами могут быть субстратное слово «уруду» — «медь» в шумерском языке, имена богов и богинь шумерского пантеона Уту, Забаба, Кубаба, Инана, критские тексты, выполненные линейным письмом А. Это позволяет предварительно заключить, что первобытная языковая непрерывность простиралась от стран «Плодородного полумесяца» до Эгейского бассейна.

В результате постепенной концентрации отдельных небольших соседних коллективов в одном ареале возник индоевропейский протоязык, некоторые качественные характеристики которого проступают в данных, полученных путем глубинной реконструкции индоевропейской просодики, консонантизма и вокализма [23; 25].

Индоевропейский протоязык в период его постепенного выхода из первобытной языковой непрерывности и автаркизации обладал слогоморфемным строем с силлабофонемной структурой типа *да-да-да-да*, двумя рядами смычных по способу артикуляции звонких и глухих согласных (b, d, g-p, t, k), одним рядом заднеязычных (g-k), имел 4 тона (высокий ровный, низкий ровный, высокий глоттализированный, низкий глоттализированный) и 2 различительных признака — высота и сила тона high-level и ларингализация/фарингализация — knock-laut.

Смещение первого признака на уровень слова обусловило формирование подвижного словесного ударения, смещение его на уровень консонантных фонем породило «сильные согласные звуки». Передвижение второго различительного признака на уровень согласных фонем привело к возникновению придыхательных согласных, а смещение его на уровень гласных обусловило появление ларингалов, а позже — долготы гласных.

Дальнейшее развитие индоевропейского протоязыка вызвало распадение системы тонов и консолидацию слова. Протоязыковые инновации привели к значительным изменениям в первичном консонантизме и вокализме.

Звонкие смычные вступали во взаимодействие с высоким тоном и низким тоном (с первым различительным признаком) в духе процесса перехода уровня просодии на уровень фонемный. В результате в германском и армянском протодиалектах индоевропейского праязыка первый признак разбил звонкие согласные на звонкие простые (b, d, t) и сильные глухие (p, t, k), это — «первая мутация». Затем тон изменил глухие во фрикативные (p > f; t > θ; k > x).

Второй контурный/ларингальный признак вызвал аспирированность согласных (в протогреческом и протославянском диалектах и.-е. праязыка). В протобалтийском и протославянском диалектах индоевропейского праязыка оба различительных просодических признака остались на просодическом уровне, первый признак перешел на уровень слова, сформировав акцентный контур слова, а на консонантный уровень не подействовал, т. е. сохранились два ряда согласных.

Смещение слоговых морфемных границ, образование фонемы и морфемы, слова, переход тонового сандхи в словесное подвижное ударение привели к мутациям в индоевропейском протоязыке. Индоевропейский праязыковой ареал, в пределах которого осуществлялась нормальная языковая коммуникация, был разорван, что повлекло за собой усиление дивергентных и кладогенетических процессов, вызвавших со временем нарушение нормальной языковой коммуникации и выделение нескольких дочерних языковых ареалов.

Эти изменения отразились в виде 4-х фаз развития индоевропейского праязыкового ареала:

1 фаза — мутации консонантизма в центре индоевропейского праязыкового ареала (протоиндоиранские, протогреческий, протоармянский, протогерманский диалекты) и консервация консонантизма на периферии ареала (протославянский и протобалтийский диалекты);

2 фаза — состояние «кентум» (протокельтский — *k — *k^w);

3 фаза — частичная сатемизация (протоххарский, протоармянский, протоалбанский, протобалтийский и протославянский диалекты);

4 фаза — состояние «сатем» (протоиндоиранские, протославянский, протобалтийский диалекты).

Все эти перемены повлекли за собой распад слогоморфемного слова, возникновение гетероморфных силлабем, в инициальной части которых располагался корень.

Первичный вокализм протоязыка (i, e, a, o, u) претерпел также значительные перемены:

Ларингальный различительный просодический признак, перейдя на уровень гласных, окрасил соседние гласные в тембр «а» *Но, *оН > *a, ā.

Контурный признак обусловил мутации e/o / a.

Вокалическая долгота возникла в определенных акцентных условиях и была связана с определенным местом в слове.

Протоиндоевропейские силлабоморфемы испытали сильную компрессию, присоединяли некоторые расширители, детерминанты различного происхождения, сохраняя при этом функцию корня и переходя в категорию полифункциональных частиц, из которых формировались аффиксы и служебные слова. Постепенно сложилось слово

тернарного состава (корень—суффикс—флексия). Сохранился акцентный контур слова, появилось значительное количество односложных корневых слов, получило распространение словосложение.

Разнообразие рефлексов слоговых сонантов требует восстановления для индоевропейского языка некоторой неполной редукции, сохранившей качество гласного.

Первичная глагольная праформа — исходная неоформленная основа слова.

Длительный период сосуществования и функционирования слов тернарной структуры, реликтовых корневых слов и не являвшихся словами основ (слов, основ, корней), полисинтетических комплексов (складывающихся из основ), в которых основа глагольного значения соединялась с основой именного значения (словосочетание = предложение) и словосочетаний из оформленных слов, образованных от тех же основ, характерны для позднего протоязыка и раннего индоевропейского праязыка. Реконструируется признак близости/дальности для этого состояния праязыка.

Переход от силлабоморфемного состояния к засвидетельствованному протекал сложно: корневые слова (иногда слова-слоги), корневые основы в составе композитов сосуществовали с тернарными словами, оформленными словосочетаниями и предложениями, неопределенный падеж имени (оформление корня суффиксом) в синтагме противопоставлялся другим словам в предложении, а в парадигме — несамостоятельной основе того же слова в составе полисинтетического комплекса.

Переход от парадигматического типа языка к языку синтагматического типа, происходивший через оформление основ назальным суффиксом, к суффицированной основе с флексией отмечает промежуточный этап в развитии индоевропейского протоязыка к индоевропейскому праязыку.

Дальнейший ход событий с одной стороны вызвал временное объединение протодиалектов в праязыковые союзы, повлекшие за собой схождение родственных в прошлом языков (протодиалектов языка), усиление конвергенции в виде лексических проникновений, лексических и морфологических ингредиентов, гибридных и синтезированных праязыков, а с другой — привел к невозможности общепраязыковых инноваций.

Пространственно удалившись от основного праязыкового ареала индоевропейские протодиалекты и синтезированные праязыки образовывали новые языковые ареалы и союзы, иногда с включением неродственных идиом (праязыков иных языковых семей).

Таким образом, первоначальная индоевропейская глоттофорная общность, скорее всего, представляла собой сравнительно небольшой подвижный этнос. Формирование индоевропейского праязыка с его диалектной дифференциацией и предпосылками дальнейшей дивергенции протекало в процессе взаимодействия этого исходного глоттофорного ядра с субстратом первобытной языковой непрерывности (типа папуановогвинейского) на довольно обширной территории. «Эпицентр» индоевропеизации гипотетически можно поместить в Балкано-Эгейском регионе и связать с древнейшими неолитическими культурами юга Балкан (VII—VI тыс. до н. э.), прежде всего Пелопоннеса, а также Фессалии и Македонии, т. е. областей в районе Олимпа Элидского (Страбон. География. VIII, 3, 30–31) и Олимпа Фессалийского, и др. Возможно, историческая память индоевропейцев сохраняла сведения об изначальной прародине, и именно с этим связано почитание Олимпа как обители богов в греческой и римской традициях, представления индоариев о существовании священной горы Меру в центре мира, ираноариев — о священной горе Хара Березайти (Эльбурс) и т. п. Археологические исследования показали, что на юге Балканского полуострова в VII тыс. до н. э. сформировался самостоятельный центр неолитизации [26, с. 20–27; 27, с. 19–23; 28, с. 198; 29]. При раскопках пещеры Франтхи к северо-западу от Портохели в Аргониде получены свидетельства непрерывного обитания там людей от позднего палеолита до неолита [30, с. 170–171]. В неолитических слоях обнаружены орудия труда из обсидиана, кремния и кости, каменные и глиняные статуэтки. Обсидиан, который был предметом торговли в бассейне Эгейского моря уже в конце VIII тыс.

до н. э., добывался на острове Мелос [31, с. 143]. Анализ обуглившихся остатков растений показал, что в раннем неолите (VII тыс. до н. э.) в Арголиде появился ячмень, в среднем неолите — пшеница. В слоях последней фазы докерамического неолита найдены кости козы и овцы и в значительно большем количестве кости свиньи, что объясняется ее одомашниванием. Памятники докерамического неолита Фессалии, связанные с древнейшими неолитическими культурами Пелопоннеса и Анатолии, датируются второй половиной VII тыс. до н. э. [29, с. 214; 32, р. 106–109].

В греческой Македонии, в долине реки Вистрица, на небольшом холме Неа Никомедия в 60 км к западу от Салоник исследованы слои, представляющие ранний неолит (конец VII—первая половина VI тыс. до н. э.) [5, с. 5–76; 27, с. 19–23; 29, с. 195–219; 32, р. 198–200]. **Характерные черты культуры Неа Никомедии указывают на тесные связи с Фессалией.** В нижних горизонтах Неа Никомедии преобладает керамика с покрывающим наружную поверхность розовым ангобом, сходная с посудой раннекерамического неолита Фессалии. В тесте заметна примесь известняка, как и в фессалийской керамике Протосескля. Почти у всех сосудов есть круглые, овальные, кольцевые или дискообразные основания. Основная форма сосудов — открытая или полузакрытая чаша. Края простые, и лишь у полузакрытых чаш они бывают слегка отогнуты или утолщены. Этот признак характерен и для посуды раннекерамического неолита Фессалии. В Неа Никомедии найдены сосуды с изображением человеческого лица, моделированным на шейке сосуда, ниже края. Аналогии этим сосудам найдены в Пирассосе, где лицо также моделировано в глине, в Хаджиларе, Хассуне, где антропоморфный характер сосуда подчеркивается росписью. Расписная керамика Неа Никомедии украшена красной росписью по кремовому или белому фону. Основные мотивы росписи — треугольники и квадраты с прямыми и иррегулярными краями. Аналогии расписной керамики Неа Никомедии ведут на Пелопоннес, в Немею, и в Юго-Западную Анатолию, в Хаджилар. В Неа Никомедии открыты столбовые дома крупных размеров. Столбы, служившие основаниями стен, ставились в предварительно вырытые и обмазанные глиной траншеи, к каркасу из дубовых балок прикреплялись тростниковые маты, а затем вся конструкция обмазывалась глиной. Подобные сооружения возводились в Фессалии в периоды докерамического неолита и Протосескля. Очень близка к Протосескля пластика Неа Никомедии. Это фигурки с прямым носом, глаза у них вырезаны вкось или переданы в виде зернышек кофе. В Неа Никомедии найдены ядра от пращи из плохо обожженной глины, но нет наконечников стрел, что было характерным для всего древнейшего неолита юга Балкан. Носители неолитических культур Фессалии и Неа Никомедии выращивали пшеницу-однозернянку, пшеницу-двузернянку, ячмень, чечевицу, горох. Подводя итоги, заметим, что связи культуры Неа Никомедии в Македонии с более древними неолитическими культурами юга Балканского полуострова и Анатолии (Чатал-Хююк, Хаджилар, раннеолитические культуры Пелопоннеса, Фессалии и др.) очевидны. С фессалийским неолитом связаны также нео-энеолитические культуры Балкано-Дунайского региона Старчево—Караново, Винча—Плочник и др. (их объединяет сходство монохромной и расписной керамики и т. д.) [5, с. 5–76; 27, с. 19–23; 29, с. 200–210; 33, с. 15–93].

В Элладе, на островах Эгейды и в «историческую» эпоху оставались реликтовые этносы, сохранявшие языки — «наследники» доиндоевропейского языкового континуума и древнейших индоевропейских диалектов. Это — дриопы, македны (македоняне), пеласги, тирсены (тиррены) [34, с. 336–338] и др. (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 7, 2; III, 8, 1; Гомер. Одиссея. XIX, 175; Геродот. История. I, 56–57; I, 146–148; VIII, 43; VIII, 46; VIII, 73; **Страбон. География. V, 2, 4.** **Выходцами с островов Эгейского моря или с Балканского полуострова древние греки считали предков карийцев и ликийцев (Геродот. История. I, 171–173; Фукидид. История. I, 2–8), судя по всему, хетто-лувийцев, давших, например, название горе Парнас(σ)ός [35, с. 147–148], а также фригийцев, армян (Геродот. История. VI, 45; VII, 73), предков троянцев и римлян дарданов (Аполлодор. Мифологическая библиотека. III, 8; III, 12; Эп. 3–7). Древние кельты определяли в качестве своей древнейшей прародины Скифию [36,**

р. 150–157; 37, р. 14–19]. Одна из областей соседствующей со Скифией (прежде всего, с Малой Скифией) Фракии именовалась в древности Галлаикой (т. е. областью галлаиков—галатов—галлов—кельтов), а во времена Геродота — уже Бриантикой (Геродот. История. VII, 108). Название горного хребта Ἰαίος (Нжтмус, Гем, Стара Планина) формально образовано от др.-греч. ἄϊα, -ατος «кровь» (< и.-е. *saim — «густая жидкость»), т. е. «кровь Тифона» (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 6, 3). Но можно предложить этимологию из др.-инд. hema, haima < и.-е. *gheima «зима, снег» (ср. Hima-laya — «заснеженная (горная) цепь», Demavend < *daimavant-) и трактовать этот ороним как напоминание о пребывании протоиндоиранцев в глубокой древности на востоке Балкан. Для названия Нжтмус можно подобрать также германскую этимологию, сходную с этимологией хоронима Vœhæmia < *Voio-haim-ia — «родной дом (кельтского) племени бойев» (ср. др.-англ. hām = англ. home, нем. Heim) или «(горы) Гем бойев». Праславянское слово *kobyula «кобыла» связано с названием города Καβύλη во Фракии и находившимся там святилищем [38, с. 93–98; 39]. Таким образом, при изучении древнейшей ономастики Балкан обнаруживаются следы пребывания предков различных индоевропейских этносов в данном регионе. Возможно, Анатолия и Подунавье тоже входили в ареал индоевропейской прародины (см. работы И. М. Дьяконова, Дж. Меллаарта и др.) [40; 41; 42; 43].

Подводя итоги, можно сказать, что первоначальная индоевропейская глоттоформная общность, скорее всего, представляла собой сравнительно небольшой подвижный этнос. Формирование индоевропейского праязыка с его диалектной дифференциацией и предпосылками дальнейшей дивергенции протекало в процессе взаимодействия этого исходного глоттоформного ядра с субстратом первобытной языковой непрерывности (типа папуа-новогвинейского), судя по всему, в Эгеиде и Балкано-Дунайском регионе. Прародину индоевропейцев в широком смысле, вероятно, можно отождествить с балканским центром возникновения производящего хозяйства (неолитизации), в который входили юг Балканского полуострова, острова Эгейского моря, а также Македония и Фракия. Протоиндоевропейский этнос (первоначальная индоевропейская глоттоформная общность, этнос-носитель протоиндоевропейского языка) сформировался, скорее всего, на полуострове Пелопоннес.

Ключевые слова: индоевропейцы, праязык, прародина, глоттогенез, этногенез, «неолитическая революция», очаг неолитизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Renfrew C. The Origins of Indo-European Languages//Scientific American (N. Y.). — 1989. — № 10.
2. Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. — L., 1992.
3. Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины//ВДИ. — 1997. — № 1.
4. История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. — Ч. 1: Месопотамия. — М., 1983.
5. Лисицына Г. Н., Филитович Л. А. Палеозноботанические находки на Балканском полуострове//Studia Praehistorica. 4. — София, 1980.
6. Жуковский П. М. Земледельческая Турция: Азиатская часть — Анатолия. — М., 1933.
7. Кузьмина Е. Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев//Переднеазиатский сборник. IV: Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. — М., 1986.
8. Шнифельман В. А. Современные концепции происхождения производящего хозяйства//СА. — 1978. — № 3.
9. Шнифельман В. А. Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки//ВДИ. — 1989. — № 1.

10. *Краткая история Венгрии: С древнейших времен до наших дней.* — М., 1991.
11. *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры.* — 2-е изд., испр., доп. — М., 1985.
12. *Юхас П. Тюрко-българи и маджари: Влияние на тюркско-българската култура върху маджарите.* — София, 1985.
13. *Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов: Основные проблемы. Вопросы хронологии.* — М., 1998.
14. *Грубачев О. Н. Indoagica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь.* — М., 1999.
15. *Сафронов В. А. Индоевропейские прародины.* — Горький, 1989.
16. *Телегін Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді.* — К., 1973.
17. *Телегін Д. Я. Про роль носіїв неолітичних культур дніпро-двинського регіону в етногенетичних процесах: балти і слов'яни//Археологія.* — 1996. — № 1.
18. *Телегін Д. Я. Про роль носіїв неолітичних культур дніпро-двинсько-вислинського регіону в етногенетичних процесах: балти і слов'яни//Археологія.* — 1996. — № 2.
19. *Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря.* — М., 2004.
20. *Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху.* — М., 1986.
21. *Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь.* — М., 1971. — Т. 1.
22. *Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь.* — М., 1976. — Т. 2.
23. *Герценберг А. Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики.* — Л., 1981.
24. *Молчанов А. А. Посланцы погибших цивилизаций: Письмена древней Эгеиды.* — М., 1992.
25. *Одри Ж. Индоевропейский язык: Пер. с франц.//Новое в зарубежной лингвистике.* — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. — М., 1988.
26. *Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита//СА.* — 1978. — № 3.
27. *Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н. э. в циркум-понтийской зоне//Древний Восток: Этнокультурные связи.* — М., 1988.
28. *Монгайт А. Л. Археология Западной Европы: Каменный век.* — М., 1973.
29. *Титов В. С. Неолит Греции: Периодизация и хронология.* — М., 1969.
30. *Мариневич А. П. Изучение Пелопоннеса в 1967—1970 гг.//ВДИ.* — 1973. — № 1.
31. *Дулс К. Кикладская цивилизация бронзового века в Эгеиде//ВДИ.* — 1992. — № 2.
32. *Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe.* — L., 1990.
33. *Годорова Х., Вайсов И. Новокаменная эпоха в България (края на седмото — шестото хилядолетие преди новата ера).* — София, 1993.
34. *Кречмер П. Тирренские надписи Лемносской стелы//Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки.* — М., 1976..
35. *Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: Фрагмент индоевропейской ономастики.* — М., 1967.
36. *Lebor Gabála Éirenn: The Book of the Taking of Ireland.* — L., 1993. — P. 1.
37. *Lebor Gabála Éirenn: The Book of the Taking of Ireland.* — Dublin, 1986. — P. 2.
38. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд.* — Вып. 10: *kleračъ—*копъ. — М., 1983.
39. *Velkov V. Die Thrakische Stadt Kabyle//Dritter Internationaler Thrakologischer Kongress zu Ehren W. Tomascheks: 2–6 Juni 1980, Wien.* — Sofia, 1984. — Bd. 2.
40. *Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 1//ВДИ.* — 1982. — № 3.
41. *Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. 2//ВДИ.* — 1982. — № 4.

42. *Mellaart J.* Anatolia and the Indo-Europeans//Journal of Indo-European Studies (Washington). — 1981. — Vol. 9. — № 1–2.
43. *Yakar J.* The Indo-Europeans and Their Impact on Anatolian Cultural Development //Journal of Indo-European Studies (Washington). — 1981. — Vol. 9. — № 1–2.

Резюме

Чередниченко А. Г. Индоевропейська проблема та Балкани

Первісна індоєвропейська глотофорна громада, скоріш за все, була порівняно невеликим етносом, що швидко пересувався. Формування індоєвропейської прамови з її діалектною диференціацією та передумовами подальшої дивергенції відбувалося в процесі взаємодії індоєвропейського глотофорного ядра з субстратом первісної мовної неперервності (подібної до тої, що існує на острові Нова Гвінея) на достатньо великій території. «Епіцентр» індоєвропейізації можливо локалізувати в Балкано-Егейському регіоні та пов'язати з найдавнішими неолітичними культурами півдня Балкан (VII—VI тис. до н. е.). Це культури Пелопонесу, Фесалії та Македонії, тобто областей навколо Олімпу Елідського та Олімпу Фесалійського. Можливо, саме з цим пов'язано шанування Олімпу як житла богів в давньогрецькій і римській традиціях, уявлення індоаріїв про існування священної гори Меру в центрі всесвіту, іраноаріїв — про священну гору Хара Березайті (Ельбурс). Археологічні дослідження показали, що на півдні Балканського півострова в VII тис. до н. е. сформувався самостійний центр неолітизації. Це корелюється з гіпотезою Е. К. Ренфр'ю, згідно з якою виникнення прамов відомих мовних сімей відбувалося в центрах переходу від мисливства і збиранництва до землеробства та скотарства.

Ключові слова: індоєвропейці, прамова, прабатьківщина, глотогенез, етногенез, «неолітична революція», вогнище неолітизації.

Summary

A. Cherednichenko. The Indo-European Problem and the Balkans

The prehistoric Indo-European-speaking community might be a small ethnos that migrated quickly. Forming of the Indo-European proto-language with its differentiation and preconditions for subsequent divergence was going on process of interaction of the Indo-European-speaking kernel with substratum of prehistoric linguistic continuity (like New Guinean) on the large territory. “Epicenter” of indo-europeazation (the Indo-European homeland) may be localized in the Balkan-Aegean region. It is associated with Neolithic cultures of the south of the Balkans (VII—VI m. B.C.). These are Neolithic cultures of Peloponnesus, Thessaly and Macedonia. Perhaps worship of Olympus as sacred mountain in Old-Greek and Roman traditions, worship of Hara Berezaity (Elburs) as sacred mountain in Iranian Aryan tradition, worship of Meru as sacred mountain in Indo-Aryan tradition were caused by memory about Olympus of Elide and Olympus of Thessaly. Archaeologists came to the conclusion about origin of independent hearth of neolithization in the south of the Balkans. This conclusion is correlated with the conception by C. Renfrew. Lord A. C. Renfrew proves that origin of proto-languages of language families took place in the centers of origin of productive economics.

Key words: the Indo-Europeans, proto-language, homeland, glottogenesis, ethnogenesis, the “Neolithic revolution”, the hearth of neolithization.

